

\* \* \*

Я вижу неподвижные деревья,  
Они смогли во сне захолонуть.  
Весь в грёзах лес за спящею деревней,  
Туда ведёт мой заповедный путь.

Слетают с неба хлопьями вороны,  
Немеет дней осенних череда.  
Пустеют лица и пусты перроны,  
С пустых небес свисают холода.

Уже цветы упали в день вчерашний,  
Пожухли травы, обмелела даль.  
И сумерки бегут по чёрным пашням,  
Как поздняя осенняя печаль.

\* \* \*

Молчит сосна, молчит осина,  
У леса – обнажённый вид.  
И за околицей рябина  
Бягряной ягодой кровит.

Но всё ещё восходит ярко  
Сноп поднебесного огня,  
И ярко-красная боярка  
Иглой впивается в меня.

Спешу за осенью из лета,  
Лечу вперёд или назад.  
Как выстрелы из арбалета –  
За мною ласточки летят.

## БАЙКАЛ

И развернулся, расточил Байкал  
Свои немислимые воды.  
В нём столько глуби, донных скал,  
И столько ветреной свободы.

В нём кочевали облака,  
Из века в век свой дом искали,  
И застревали на века,  
Чтоб белой пеной стать в Байкале.

Бессмертные роились сны,  
Шли волны, будто бы на дыбу,  
И когти молнии-блесны  
Кромсали тучу, словно рыбу.

И несмотря на битвы гроз,  
В Байкале нежились бакланы,  
И волн целебный купорос  
Залечивал у тучи раны.

Спросонок выйду в молодую осень,  
В ней золота и алости сполна.  
Поёт синица или хлеба просит,  
Подсолнуха ей брошу семена.

Ещё калитка в лето приоткрыта,  
Малиной опадающей манит.  
Дорога к солнцу в небесах прорыта,  
Под ней Байкала синего магнит.

Ещё ничто не предвещает стужу,  
На солнце сушит лапки иван-чай.  
И почернел, как будто занедужил,  
Торчащий у заплота молочай.

Ещё в Байкале радуга искрится,  
Когда в затон моторка пробежит.  
В пустом гнезде скукоженная птица  
День уходящий будто сторожит.

Хотя и камень, и земля нагрета,  
Я дров несу и крепкий чай варю...  
В лесу прошла рябина мимо лета  
И на прощанье запеклась в зарю.

### МАРИНА ЦВЕТАЕВА

«Красною кистью рябина зажглась...»  
Боли и крови – попробуюсь влечь.

Выспрошу – Прагу, Париж и Москву,  
Как и зачем я на свете живу?

С первой любовью – застыну в мирах,  
Вызвездит небо – любимого прах.

Страх не видится. Душно – душе,  
Но и она – затвердела уже.

Осень. Елабуга. Злая земля,  
Где лишь – надёжною стала петля.

Море-Марина... Я выбрала мель.  
Здравствуй, могила!

Прощай, Коктебель!

### В ТАРУСЕ

С Цветаевой я встретился в Тарусе,  
Она с цветами мимо дома шла,  
Пришла к реке.

Там пролетали гуси,

Там Мур летел из дальнего села,

Где пал в бою, снарядом рассечённый,  
И вот на юг летел, не умирал...  
С ним чёрный гусь.

Наверно, Саша Чёрный,  
Который с Муром маленьким играл.

Цветаева рванулась, опоздала  
На небо крикнуть: «Мура береги!»  
Рукой махнула, будто бы взлетала,  
Кольцо упало у неё с руки.

А небо опустевшее синело,  
Бессмертием тянуло от реки...  
Цветаева в тот день окаменела  
На берегу стремительной Оки.

### КОКТЕБЕЛЬ

Я еду в Крым. Неужто я увижу  
Волошина. Он ждёт меня пождёт.  
С ним Пра сидит и рядом море дышит,  
Где юная Цветаева поёт.

Я еду в Крым. Я буду там не вчуже.  
Я там слонялся в бесконечных снах.  
Вон Пра готовит запоздалый ужин,  
Ахматова купается в волнах.

Свет киммерийский ниспадает с неба,  
Поэтов-пташек раздаётся трель.  
Здесь всем хватало воздуха и хлеба,  
Здесь всех любил и помнил Коктебель.

И каждого без лишней канители  
Волошин принимал и согревал.  
Как лучший гость,  
встречался в Коктебеле  
Любой поэт и робость забывал.

Здесь каждый был удачливым и юным,  
Живым, свободным, не убитым влёт.  
...Стою и вижу: по песчаным дюнам  
Волошин сквозь бессмертие идёт.

Мы разные, мы разные, мы разные.  
Мы – серые, мы – белые, мы – красные.  
В Гражданскую мы были рысаками,  
Но только никуда не прискакали.

Война, как Молох века, полыхнула,  
Навстречу нас друг другу развернула.  
Достали мы винтовки и наганы,  
Друг другу стали вечными врагами.

Мы разные, мы – чистые, заразные.  
Мы – белые, зелёные и красные.  
Как раньше мы друг друга окрыляли!  
А нынче мы друг друга расстреляли!

Заботливо мы целились друг в друга,  
Чтоб сбиться в центре солнечного круга.  
Мы все убиты, но теперь мы – солнце,  
У каждого на солнце есть оконце,

Откуда мы на грешный мир взираем  
И никогда на солнце не сгораем.  
Здесь нет зелёных, красных нет и белых,  
Замёрзших нет и нет заиндевелых.

В одежде мы не ходим арестантской,  
Мы все убиты на войне Гражданской...  
Себя и вас мы вовсе не забыли,  
Тогда зачем друг друга мы убили?

\* \* \*

Рыдает цыганская скрипка  
В байкальской моей стороне.  
Ах, зыбкое время! Как зыбко  
Мне плыть по житейской волне.

Срываться, как будто скрываться  
По тёмным углам бытия.  
Меж мной и тобой разрываться  
И думать: где ты и где я?

Мне так неохота двоиться,  
Свой облик искать вне себя...  
И там, где двойник мой таится,  
Там вдруг обнаружить тебя.

Ах, жизнь, ты такая поганка!  
Весь век заставляешь страдать.  
Быть может, поможет цыганка  
Самих нас – в себе разгадать.

Какому такому тирану  
Мы отданы были с тобой?  
...Цыганка сердечную рану  
Нашла и теребит струной.

Скорей погадай нам, цыганка!  
Скорее печаль отними!  
Но смотрят тиран и тиранка  
Друг в друга, так смотримся мы...

...Забрезжит улыбка подранка –  
Твоя ли, моя – в стороне...  
Мы ждём, но пропала цыганка  
Русалкой – в байкальской волне.

\* \* \*

Стучусь в тебя, как в собственные двери,  
Но ты закрыта, как в берлоге зверь.  
Свидетельствую – вот они потери,  
Стучусь к тебе, но ты закрыла дверь.

Не отвечаешь на мои вопросы,  
Накинув ночь на плечи, словно шаль.  
Вонзаешь нестерпимые занозы  
В мою неистребимую печаль.

Как будто молвишь: – Неужели больно?  
Ведь я-то мышка, ну а ты – гора.  
Мне слышится из-за дверí невольно:  
– Забыл, как больно было мне вчера?!

Я с содроганьем чувствовал бывало:  
Ты отомстишь, вернувшись из огня,  
Из той любви, где мной ты обладала,  
И знала точно – победишь меня!

### ГОВОРЯЩИЙ КАМЕНЬ

Упала ночь у моего порога,  
Не ходит дом и не скрипят полы.  
Звезда глядит в моё окошко строго,  
Высвечивая тёмные углы.

Вон в том углу я обживал разлуки,  
В другом углу я целовал тебя.  
Внутри огня сплетались наши руки,  
Друг друга пасть в объятья торопя.

Из дома шла пустынная дорога,  
По ней судьба отмеренная шла.  
По ней пытались мы дойти до Бога,  
Но к камню нас дорога привела.

К нему в ночи мы обратили взоры,  
Он оживал, оглядывая нас,

Потом сказал:

– Здесь раньше были горы,  
Теперь один я с вами в это час.

Вдали вам счастья вечного не будет,  
Берите всё, что ныне вам дано.  
Вы оступились, вас любовь рассудит,  
Ей быть судьёй – единственной – дано.

И замолчал. Мы трогали руками  
Его окаменевшее чело.  
Но не сказал нам говорящий камень,  
Нам – вышедшим из дома – ничего.

А дом стоял – забытый и печальный –  
В начале нашем и в конце пути...  
И в нём тоска, как будто на причале,  
Ещё не успевала к нам сойти.

...Дорогу дом отмеривал шагами,  
Которую мы, кажется, прошли.  
Сплотился с домом говорящий камень,  
Где мы соединиться не смогли.

## НОВОГОДНЕЕ

Иркутск морозом раскалило  
До хрупкой дымной белизны.  
Слепые окна смотрят стыло,  
Их забелило до весны.

На ветках крупно, осовело  
Висит настуженный куржак.  
И, кажется, заиндевила  
Моя озябшая душа.

Иду по утреннему парку,  
Где тишина и пустота.  
Шары белеющего пара  
Я выдыхаю изо рта.

Деревья, спрятанные небом,  
Стоят, промерзшие насквозь.  
Заледенелая – под снегом –  
Земная вздрагивает ось.

Я ось потрогал. Долго-долго  
Она звенела... я кутил...  
И ось земную, будто ёлку,  
Я прямо в доме нарядил!

